

УДК 811.512.141'37(045)

*З.Т. Шарафутдинова***РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ 'ЧЕЛОВЕК МОЛЧАЛИВЫЙ' В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

В настоящей статье рассматриваются лексические и фразеологические единицы, репрезентирующие понятие 'человек молчаливый' в башкирском языке и его говорах. Материалом для исследования послужили данные «Машинного фонда башкирского языка» (mfb12.ru), на основе которых выявлен целый пласт слов и выражений, называющих молчаливого человека. На сегодняшний день лексикографический и диалектологический подфонды содержат более 100 слов и фразеологизмов с семантикой молчания. Высокая номинативная плотность анализируемого понятия свидетельствует о его значимости для носителей языка. В зависимости от ситуации молчание может быть положительным или отрицательным, что находит отражение в поговорках. Образы, посредством которых построен языковой портрет молчаливого человека, помогают выявить особенности миропонимания башкирского народа. Изучение лексико-семантической группы 'человек молчаливый' позволяет создать представление об одном из фрагментов языковой картины мира.

Ключевые слова: молчаливый, башкирский язык, диалектизм, семантика, мотив именования.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1286-1291

Речевое поведение человека характеризуется рядом свойств, которые получают достаточно емкое описание в наименованиях лица. По названиям, отражающим способности к речи, можно составить яркую картину того, каким видится человек с точки зрения его коммуникативных склонностей. Одной из таких характеристик является молчаливость человека, репрезентация которой отражена во многих языковых средствах.

Интерес к изучению лексических обозначений человека молчащего обусловлен антропоцентрической направленностью современной лингвистики. «Человек – единственное в живой природе свободно говорящее существо, он же и первое молчащее существо» [3, с. 32]. Без изучения языкового воплощения человека молчащего невозможно понять природу человека говорящего.

В литературе понятие «молчание» трактуется как «коммуникативный и социокультурный феномен, заключающийся в сознательном и осмысленном отказе от активного участия в общении» [4], «с целью погружения в собственные мысли и чувства, а также для того, чтобы не мешать окружающим, не разрушать их душевный и деловой настрой» [2, с. 463]. Молчание может выражать оценку действиям собеседника, отношение к нему (выражение недоверия, одобрения, неодобрения, согласия, сомнения, презрения); нерешительность, безысходность, нежелание что-то делать, удивление, размышление; сокрытие информации, необходимой коммуниканту; наличие противоречий у собеседников [11, с. 320].

Молчание, как важный компонент общения, связано с этнокультурными нормами, свойственными каждому конкретному народу. Каузатором немногословности, лаконичности является *тыйнаклык* (скромность), помогающая контролировать речь. В башкирском литературном языке молчание передается лексемами *өндәшмәү*, *һөйләшмәү*, в книжном стиле имеются заимствованные из арабского языка лексические варианты *сөкүт // сөкүнәт // сәкәнәт*.

Молчание в народной культуре башкир расценивается двояко: молчание как умение человека контролировать свои вербальные навыки и не болтать лишнего поощряется языковым сообществом, а молчание в качестве неумения выразить свою точку зрения, неспособность поддерживать контакт порицается. Это отражается в поговорках. С одной стороны, в пословицах содержится прямое указание на то, что молчание – это благо сродни золоту: *Күп һүз көмөш булһа, аз һүз – алтын* досл. 'Слово – серебро, молчание – золото'. С другой стороны, существуют ситуации, в которых просто необходимо говорить, нельзя молчать: *Өндәшмәү – алтын икән тип, алтын һүзең йәшермә* досл. 'Не скрывай своего золотого слова, считая, что молчание – золото'. Иногда молчание может быть признаком опасности: *– Өндәшмәстә низәр бар? – Урты тулы уттар бар?* 'В тихом омуте черти водятся' досл. '– Что в мыслях у молчуна? – Рот у него полон огня'. Подобные пословицы содержат прямую оценку поведения молчаливого человека. Вместе с тем трактовка отношения народа к молчунам заложена уже в самом слове, в мотивах именования.

В башкирском языке и его диалектах молчаливый человек представлен следующими словами: *өндәшмәс*, *һөйләшмәүсән*, *аралашмаусан*, *аз һүзлә*, *йомок* (лит.) 'молчаливый', *шымтай* (лит.) 'молчаливый, тихий', *тымырсык* (ай.), *томса*, *томса* (сев.-зап. говоры, менз., сред., дём.), *төшләмә* (гайн.), *шым* (дём., сред., иргиз.), *шымафый*, *шымтойак* (киз.), *шымбасар*, *шымыкай* (миас.), *шымтый* (сред.), *шыпыртым* (арг.) 'молчун', *мыштым*, *тешек*, *томһа*, *томһайған* (ик.-сакм.), *туң* (сред., киз.) 'молчаливый, неприветливый', *шомбай* (ик.-сакм., иргиз, ток-суран, дём., арг.) 'молчаливый, скрытный', *шымшык/шыңшык* (киз.) 'тихий, молчаливый', *шымшым* (киз.) 'тихо', *ыкшымһыз* (миас.), *эндәшмәк* (дём.), *эндәшмәс* (дём., сред.), *төмсә* (сред.) 'малословный', *томпас* (ай.) 'скрытный, малословный', *дымһыз* (ай.) 'неразговорчивый', *киргәк* (среднеур.) 'замкнутый', *катышмакһыз* (киз.) 'нелюдимый', *кырсык*, *кырчык* (гайн.) 'необщительный', *тешеккер* (гайн., иргиз.) 'тихоня', *теинәк* (дем., сред.) 'молчун, скрытный', *тешләк* (сев.-зап. говоры) 'замкнутый', *өнһөз-тынсыз* (дём.) 'тихий', *тешегеу* (лит.) 'упрямо молчать', *тишегеу* (киз.) 'быть молчаливым', *томһайыу*, *томһаланыу* (ик.-сакм.) 'замкнуться, молчать', *тымырайыу* (киз.) 'сидеть с мрачным видом, не разговаривая', *тыммау* (гайн.) 'молчать', *шым булыу* (лит.) 'быть тихим', *шымбайыу* (лит.) 'становиться молчаливым', *шымырайыу* (киз.), *шымшыу* (миас.) 'умолкнуть', *шымайыу* (караид., сред.) 'притихнуть', *эндәшеимәу* (сев.-зап. говоры) 'не разговаривать', *дым булыу* (сакм., сев.-зап. говоры) 'утихнуть'. Лексическое разнообразие связано с использованием различных мотивационных основ при образовании номинаций, что обусловлено спецификой языковой картины мира носителей языка. Рассмотрим их подробнее.

Большинство слов изучаемой семантики образовано на основе корня *шым* 'тихий': *шымтай* (лит.) 'молчаливый, тихий', *шым* (дём., сред., иргиз.), *шымафый* (киз.), *шымтый* (сред.), *шымыкай*, *шымбасар* (миас.) 'молчун' досл. 'ступающий тихо', *шымтойак* (киз.) 'молчун' досл. 'тихие копыта', *шымшык/шыңшык* (киз.) 'тихий, молчаливый', *шымшым* (киз.) 'тихо', *шым булыу* (лит.) 'быть тихим', *шымбайыу* (лит.) 'становиться молчаливым', *шымырайыу* (киз.), *шымшыу* (миас.) 'умолкнуть', *шымайыу* (караид., сред.) 'притихнуть'. Слово *шым* в синонимическом ряду имеет свою коннотацию: *шым* – отсутствие шума, бесшумный покой; *тымык* – покой в природе, безветрие; *тыныс* – покой среди людей, в обществе, в жизни; *тын*, *һил* употребляются для выражения покоя вообще [1, с. 108]. Таким образом, данные лексемы связаны с отсутствием шума. В наименованиях *шымтойак* (киз.) 'молчун' досл. 'тихие копыта', *шымбасар* (миас.) 'молчун' досл. 'ступающий тихо' тихая, осторожная ходьба проецируется на речевую сферу.

В рамках данной мотивационной зоны следует рассмотреть наименования с корнем *тым* // *дым*: *тыммау* (гайн.) 'молчать', *дым булыу* (сакм., сев.-зап. говоры) 'утихнуть', *дымһыз* (ай.) 'неразговорчивый'; ср. каз. *тым-тырыс* 'безмолвие', ккал. *тым-тырс* 'тишина, пауза' [7, с. 340–342]. Анализируемые лексемы связаны с глагольным корнем *тын-* 'замолчи, перестань, прекрати', который зафиксирован в «Древнетюркском словаре» как *iin-* в следующих значениях: 'дышать', 'отдыхать', 'успокаиваться, обретать покой', 'останавливаться», «прекращаться» [5, с. 567]. В других тюркских языках корень *тын-* имеет следующие фонетические варианты: *дын-* (туркм.), *дин-* (тур.), *тин-* (узб.), *тан-* (чув.) и т. п. Как видим, в диалектных вариантах наблюдается переход согласных $d > t$, $m > n$.

В этот же номинативный участок входят слова *мыштым* (лит.) 'неразговорчивый, тихий', *мыштым* (ик.-сакм.) 'молчаливый, неприветливый' < *мыш* 'тихо, бесшумно' + *-тым* 'аффикс, показывающий характер, качество предмета'; *өнһөз-тынсыз* (дём.) 'тихий', образованный от *ын* 'звук' и *тын* 'дыхание', аффиксы *-һөз*, *-сыз* указывают на отсутствие каких-либо качеств или свойств.

Мотив тишины характерен и для наименований *тымырсык* (ай.), 'молчун' < *тымырһык*, *тымырһын* (вост. говоры) 'тихий, безветренный, душный', *тымпат* (лит.) 'тихая, теплая погода с туманной облачностью', где характер молчаливого человека соотносится с тихими погодными условиями. Здесь очевиден метафорический перенос с метеорологического явления на речевую характеристику лица. Это доказывает то, что диалектный социум воспринимает себя в единстве с окружающим миром.

Среди наименований молчаливого человека обнаруживаются слова, которые имеют звукоподражательный характер: *шыпыртым* (арг.) 'молчун' < *шыпырт* (лит.) 'незаметно, тайком, тихонько, втихомолку' < *шып* (лит.) 'тихо' (< *шып* 'подражательное слово, выражающее резкое, внезапное действие'), *шып булыу* (лит.) 'замолкнуть, притихнуть; внезапно, сразу прекратиться (о шуме, разговорах, движении)'. Здесь ярко выражен мотив внезапности: говорящий резко замолкает во время разговора или намеренно отказывается говорить.

Мотив закрытости находим в наименованиях *йомок* (лит.) ‘необщительный, замкнутый’ < *йомок* (лит.) ‘закрытый, сомкнутый’; *ауыззы йомоу* ‘заткнуться’ досл. ‘закрыть рот’, где семантика молчания передается посредством образа сомкнутых губ.

Важно отметить, что большая часть наименований молчаливого человека в своем фонетическом составе содержит звук [м]. «Внутренняя форма слова связывается с фоносемемой, что позволяет объединить отдельные слова в ряды слов с общей семантикой, на современном этапе развития языка не отождествляемые друг с другом» [14, с. 47–48]. По поводу слов монгольского языка исследователи отмечали: «По всей видимости, смыкание губ при произнесении звука [м] влечет за собой дальнейшее отсутствие иных звуков, т. е. тишину. Это способствовало появлению данного звука в лексемах, номинирующих тишину, безмолвие» [9, с. 195]. Такое же наблюдение правомерно и для башкирского языка.

Языковое сознание действия говорящего рассматривает и в спектральном аспекте, соотносит качества человека с цветом. Молчаливым людям присущ темный, черный цвет: *тәмсә* (сред.) ‘малословный’, *томса*, *томса* (сев.-зап. говоры, менз., сред., дём.) ‘молчун’, *томһа*, *томһайған* (ик.-сакм.) ‘молчаливый, неприветливый’, *томпаç* (ай.) ‘скрытный, малословный’, *тымырайыу* (ы//о) (киз.) ‘сидеть с мрачным видом, не разговаривая’, *томһайыу*, *томһаланыу* (ик.-сакм.) ‘замкнуться, молчать’ < *томһа* (лит.) ‘темноватый, тусклый, мутный, туманный’, *тәмһәрәү* (хур.) ‘облачность’, *тәмпаçлау* (дём.) ‘затуманиваться, подернуться туманом, заволакивать мглой’. Ср.: *Байгилде*, *һаман үз уйына бикләп*, *томһайып йата бирә* (ик.-сакм.) ‘Байгильде все еще лежит, замкнувшись в своих мыслях’ – *Көн тәмпаçлап*, *рәшәләп тора* (дём.) ‘погода изменилась, заволокло туманом, мглой’. Как показывают примеры, субъект речи предстает перед нами как человек с сумрачным лицом, имеющий угрюмый и хмурый нрав.

В данную мотивационную группу следует включить глагольное наименование *томана утырыу* (сев.-вост. гов.) ‘сидеть одиноко, замыкаться, не общаться’, которое имеет соответствие *томана* в значении ‘запертый на замок’ в верхневычегодском говоре коми языка. Как видим, развитие словоформы обусловлено внутренней формой наречия, распространенного в поволжских языках.

Несколько наименований связаны с органами речи: *тәшләмә* (e//ə) (гайн.) ‘молчун’, *тешек* (ик.-сакм.) ‘молчаливый, неприветливый’, *тешеккер* (гайн., иргиз.) ‘тихоня’, *тешләк* (сев.-зап. говоры) ‘замкнутый’, *тешнәк* (дем., сред.) ‘молчун, скрытный’ досл. ‘крепко сжимающий зубы’, *тишегеү* (киз.) ‘быть молчаливым’ < *тешегеү* (лит.) ‘упрямо молчать’ < *теш* (лит.) ‘зубы’. Внешним проявлением молчаливости становятся крепко сжатые зубы. Идея ограничения движения пассивными или активными органами речи характерна и для фразеологизмов: *теште кысыу* досл. ‘сжать зубы’, *телде тешләу* досл. ‘прикусить язык’, *телде тыйыу* досл. ‘придержать язык’, *тел бәйләнеү* досл. ‘язык связан’, *борзак кейеү* досл. ‘надевать намордник’, *телен ете йозакка бикләу* досл. ‘закрыть язык за семью замками’, имеющий числовой компонент *ете* ‘семь’. Тюркским числом ‘семь’ заканчивался подсчет, что говорит о его сакральности [8, с. 169], значение фразеологизма *телен ете йозакка бикләу* репрезентируется как ‘хранить молчание, не рассказывать о каком-либо секрете или тайне’. Препятствием в речевом процессе может стать наполненный рот: *ауызга һыу уртлау* досл. ‘в рот воды набрать’. В данном выражении вода, заполняющая ротовую полость, становится преградой для совершения речевого действия. Сюда примыкают устойчивые словосочетания *ауызга йөзөк йәшерәү* ‘намеренно молчать’ досл. ‘в рот кольцо спрятать’, *ауыззы энә менән тегеү* ‘быть молчаливым’ досл. ‘рот иглой зашить’, *ауыззы сөйгә элеү* ‘молчать’ досл. ‘рот повесить на гвоздь’. В этих фразеологизмах абсурдность и невозможность описываемой ситуации (держат во рту воду, кольцо, зашить рот, повесить рот на крючок) подчеркивают негативное отношение к молчаливому собеседнику.

Мотив чужого воплощен в диалектизме *киргәк* (среднеур.) ‘замкнутый’, ср.: *кирәк* (сакм.) ‘чужак, чужбина’, *кирә корт* (дём.) ‘пчела, ищущая место для роения’, тат. диал. *киргәк* «отчужденный, нелюдимый», *кирәк* «чужбина, чужой» [12, с. 421]. Человек, отказывающийся общаться, держится изолированно, поэтому воспринимается как чужак.

Мотив нелюдимости реализуется в слове *катышмакһыз* (киз.) ‘необщительный, нелюдимый’ < *катышмау* ‘не вмешиваться, не принимать участие’. Оно характеризует человека, который не участвует в общих делах, держится обособленно от группы, во время коллективных мероприятий старается оставаться в стороне.

В сознании диалектоносителей молчаливый человек ассоциируется с чем-то замерзшим, ледяным, статичным, что выражается в номинации *туң* (сред., киз.) ‘молчаливый, неприветливый’. Данная номинация базируется на перцептивных признаках, т.к. возникла на основе температурных ощущений.

Вызывает интерес слово *ыкшымһыз*, имеющее в говорах башкирского языка несколько значений: 1) «несуразный, неуклюжий, некрасивый» (ай.); 2) «грубый на язык» (миас.); 3) «молчаливый» (миас.). Во всех значениях наличествует общая сема «неполноценный». На обозначение человека со скупыми речевыми действиями переносятся его внешние характеристики. Грубые и неразговорчивые люди также непривлекательны, как и люди неуклюжие, эти качества вызывают неодобрительную реакцию людей.

В некоторых фразеологизмах молчаливость воспринимается как физический недуг: *телде йотой* 'упорно молчать' досл. 'язык проглотить'; *телдән языу* 'потерять дар речи, лишиться речи' досл. 'остаться без языка'. Оба фразеологизма обозначают резкое прекращение речевого процесса, причиной которого могут быть удивление, страх и т. п.

Мотив противодействия реализуется в словосочетаниях *аузынан һүзен тартып алып булмай* досл. 'слова насильно не вытянуть', *аузынан һүзе сыкмай* 'ни слова не добиться'.

В обозначениях молчаливого, закрытого человека используются зооморфные образы, в частности, образ курицы: *өй тауығы* 'человек, который редко выходит в люди, всё время сидит дома' досл. 'домашняя курица'.

Мотив одичалости молчаливого человека находим в наименованиях: *кырагай* (лит.) 'нелюдимый, необщительный' < *кырагай* (лит.) 'дикий', *кырсык*, *кырчык* (гайн.) 'необщительный' < *кырыс* (лит.) 'одичалый, одичавший'. В основе номинаций лежат стереотипные представления об особенностях поведения диких животных, отличающихся пугливостью, мнительностью, осторожностью.

Названия букв арабского письма, которым пользовались башкиры до 1928 г., стали основой для появления фразеологизма *ләм-мим тип әйтмәү (өндәшмәү)* 'не проронить ни одного слова', досл. 'не сказать ни лям, ни мим', который восходит к названиям арабских букв *ләм*, *мим*, идущих друг за другом в алфавите. «Их комбинация в сочетании с первой буквой арабского алфавита – алиф лям мим – открывает отдельные суры Корана. Смысл данных букв-символов до сих пор овеян тайной, и любое его объяснение, начиная с толкования первых комментаторов Корана, является лишь предположением». [10, с. 774]. Таким образом, существование мусульманской религии среди башкирского народа в течение нескольких столетий нашло яркое отражение и в языке.

Отсутствие речи, скрытность могут являться показателями опасности: *шомбай* (ик.-сакм., иргиз, ток-суран, дём., арг.) 'молчаливый, скрытный' < *шом* (лит.) 'опасение, тревога' < перс.-тадж. *шум* ~ араб. *шум* 'приносящий несчастье' + *-бай* [13, с. 491]. Следует отметить, что данная лексема перешла в разряд антропонимов: *Шомбай* – фольклорный персонаж, герой башкирских сказок, который всё делает исподтишка. Молчаливый человек способен на неожиданные, опасные поступки. Поэтому с такими людьми нужно проявлять осторожность.

Исторически маркированным является наименование *партизан* 'молчаливый, умеющий хранить тайны' < *партизан* (лит.) 'участник вооруженной борьбы на территории, занятой противником, действующий в составе добровольных отрядов, опирающихся на поддержку местного населения'. Семантика молчания данной лексемы связана с событиями Великой Отечественной войны. Во время войны партизаны показали себя отважными воинами и не выдавали секретной информации. Отсюда и появилось вторичное значение данного слова.

Часть наименований, репрезентирующих необщительного человека, составляют лексемы с отрицательным аффиксом *-мә*: *өндәшмәс* (лит.) 'молчаливый, малоразговорчивый', *эндәшмәк* (дём.), *эндәшмәс* (дём., сред.), 'молчаливый', *эндәшешмәү* (сев.-зап. говоры) 'не разговаривать' < *ündä* 'звать, подавать голос, говорить' < *ün* 'голос' [5, с. 625], *һөйләшмәүсән* (лит.) 'молчаливый' < *һөйлә* 'говори' + *-ш* 'аффикс совместного залога' + *-мә* 'аффикс отрицания' + *-ү* 'аффикс имени действия' + *-сән* 'аффикс, обозначающий склонность к чему-либо'. Неразговорчивость связывается со скупостью речевых действий, что проявляется в наличии отрицания во внутренней форме данных слов.

Таким образом, наименования молчаливого человека представляют собой достаточно яркий и интересный пласт лексики, отражающий мировидение башкирского народа. Изучение единиц данной группы помогает выявить эмоциональные, психические и культурные особенности, которые башкиры считали личностными ценностями. В сознании носителей языка бытует представление о том, что говорящий не должен быть чрезмерно болтливым, но в то же время он не должен быть слишком замкнутым. Субъекту речи важно уметь слушать окружающих и корректно выражать свое мнение, уметь молчать в определенных ситуациях, а также хранить ценную информацию. В коммуникативном поведении народа важным считается знание чувства меры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. Уфа: Гилем, 2006. 132 с.
2. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000. 937 с.
3. Биbihин В.В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
4. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2225411> (дата обращения 08.04.2023).
5. Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
6. Машинный фонд башкирского языка // <http://mfbl2.ru>
7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. 392 с.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
9. Сундуева Е.В. Фоносемантические функции согласного м в односложных корнях монгольских языков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2010. № 126. С. 194–200.
10. Фаттахова А.Р. Культурно-маркированные лексические единицы как средство отражения реалий внешнего мира (на материале перевода «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина на татарский язык) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 4. С. 770–777.
11. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 852 с.
12. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. 543 б.
13. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. II том (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. 567 б.
14. Ягафарова Г.Н. Принципы номинации в башкирском языке. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. 200 с.

Поступила в редакцию 10.04.2023

Шарафутдинова Зульфия Тальгатовна, младший научный сотрудник отдела языкознания
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
450054, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, проспект Октября, 71
E-mail: silvia.arm@list.ru

Z.T. Sharafutdinova

REPRESENTATION OF THE CONCEPT ‘SILENT MAN’ IN THE BASHKIR LANGUAGE

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1286-1291

This article discusses lexical and phraseological units that represent the concept of ‘silent man’ in the Bashkir language and its dialects. The material for the study was the data of the "Machine Fund of the Bashkir Language" (mfbl2.ru), on the basis of which a whole layer of words and expressions naming a silent person was identified. To date, the lexicographic and dialectological subfunds contain more than 100 words and phraseological units with the semantics of silence. The high nominative density of the analyzed concept indicates its importance for native speakers. Depending on the situation, silence can be positive or negative, which is reflected in proverbs. The images, through which the linguistic portrait of a silent person is built, help to reveal the peculiarities of the worldview of the Bashkir people. The study of the lexical-semantic group ‘silent man’ allows one to create an idea of one of the fragments of the language picture of the world.

Keywords: silent, Bashkir language, dialecticism, semantics, naming motive.

REFERENCES

1. Baishev T.G. Bashkirskie dialekty v ih otnoshenii k literaturnomu yazyku [Bashkir dialects in their relation to the literary language]. Ufa, Gilem Publ., 2006. 132 p. (In Russian).
2. Bezrukova V.S. Osnovy duhovnoj kul'tury (enciklopedicheskij slovar' pedagoga) [Fundamentals of spiritual culture (encyclopedia dictionary for teacher)]. Ekaterinburg, 2000. 937 p. (In Russian).
3. Bibihin V.V. Yazyk filosofii [The language of philosophy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 389 p. (In Russian).

4. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya [Great Russian Encyclopedia] // URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2225411> (In Russian).
5. Drevnetyurkskij slovar' [Ancient Turkic dictionary] / Edited by of V. M. Nadelyaeva, D.M. Nasilova, E.R. Tenisheva, A.M. Scherbak. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 676 p. (In Russian).
6. The machine fund of the Bashkir language // <http://mfbl2.ru>
7. Sevortyan E.V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na «V», «G» i «D» [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases beginning with the letters «V», «G» and «D»]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 392 p. (In Russian).
8. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Morfologiya [Comparative historical grammar of Turkic languages. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 560 p. (In Russian).
9. Sundueva E.V. Fonosemanticheskie funkicii soglasnogo m v odnoslozhnyh kornyah mongol'skih yazykov [Phonosemantic functions of consonant M in monosyllabic stems of Mongolian languages]. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. St. Petersburg, 2010, № 126. Pp. 194–200. (In Russian).
10. Fattahova A.R. Kul'turno-markirovannye leksicheskie ediniy kak sredstvo otrazheniya realij vneshnego mira (na materiale perevoda «Skazki o care Saltane» A.S. Pushkina na tatarskij yazyk) [Culturally-marked Lexical Units as a Reflection of the «Outworld» Realities (Based on the Translation of «Fairytale about Tzar Saltan» by A. S. Pushkin into Tatar)]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices]. 2017, T. 14, № 4. Pp. 770–777. (In Russian).
11. Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik [Effective Speech Communication (Basic Competencies): Dictionary-Reference Book] / Edited by of A. P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Un-t Publ., 2014. 852 p. (In Russian).
12. Əhmət'yanov R.G. Tatar teleneñ etimologik syzlege: Ike tomda. I tom (A–L) [Etymological dictionary of the Tatar language: In two volumes. Tom I (A–L)]. Kazan: Məgarif–Vakyt, 2015. 543 p. (In Tatar).
13. Əhmət'yanov R.G. Tatar teleneñ etimologik syzlege: Ike tomda. II tom (M–Ya) [Etymological dictionary of the Tatar language: In two volumes. Tom II (M–Ya)]. Kazan: Məgarif–Vakyt, 2015. 567 p. (In Tatar).
14. Yagafarova G.N. Principy nominacii v bashkirskom yazyke [The principles of nomination in the Bashkir language]. Ufa: IHLL UFRC RAS Press, 2018. 200 p. (In Russian).

Received 10.04.2023

Sharafutdinova Z.T., junior research assistant of the department of Linguistics
Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Prosp. Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054
E-mail: silvia.arm@list.ru